

Три года... снова

"Наруто! Вытащи это изо рта!"

Наруто поднял голову, глядя на него невинными глазами с милым выражением лица. Однако эффект был несколько омрачен кунаем, который он сейчас грыз, неловко держа в руке несколько затупившийся, но все еще достаточно острый, чтобы причинить вред, клинок.

Какаши это не впечатлило.

"Наруто, - предупреждающе прорычал он. "Положи. Это. Опusti."

Блондин задумался и решил подчиниться, быстро положив нож обратно на стол.

"Наруто. Ты же знаешь, что тебе нельзя трогать папин кунай", - сурово сказал Какаши. "Мне плевать, хотел ли ты его, плевать, мог ли ты до него дотянуться. Это против правил".

Наруто хватило изящества сделать пристыженный вид. "Прости".

Не достаточно хорошо. "Почему тебе не разрешают их трогать?" Какаши надавил. Наруто прикусил губу, на глаза навернулись слезы.

"Потому что... мне может быть... больно?" - прохрипел он. "А ты не хочешь, чтобы мне было больно?"

"Точно", - согласился Какаши. В глубине души он задавался вопросом, сколько времени пройдет, прежде чем Наруто перестанет плакать каждый раз, когда Какаши проявит хоть малейшее недовольство им или его поведением. "Сегодня никакого парка", - твердо сказал он. Он чувствовал себя немного виноватым - действительно, игры в парке были единственным по-настоящему детским занятием парня, но он не мог продолжать так ковыряться с кунаем.

Может, пора было разрешить ему пользоваться ими, а не деревянными тренировочными, которые Какаши учил метать и драться. Так он лучше поймет, что такое смертоносные предметы.

Другой голос возмутился этой идеей. Он еще ребенок, - возразил он, - дайте ему еще год или около того.

Наруто со слезами на глазах кивнул. "Прости, папочка, - повторил он, уже более искренне.

"Хорошо, - сказал Какаши, протягивая руку. Наруто подбежал к нему и забрался на колени,

прижавшись к его груди и принюхиваясь. Откинувшись назад и глядя в потолок, Какаши некоторое время обнимал мальчика, ожидая, пока тот поймет, что взрослый на него не сердится и его простили.

Через полтора года после начала этого безумного задания Какаши уже гораздо лучше справлялся со своей ролью. Прочитав множество книг по воспитанию детей, он быстро освоил такие понятия, как "тайм-аут", "четкие границы", "создание безопасной обстановки", "частая похвала" и даже "признание и поощрение хорошего поведения".

Какаши с гордостью мог сказать, что ему удавалось следовать этим рекомендациям довольно хорошо. С тех пор как он вернулся домой, его отстранили от активной службы и назначили ежемесячное пособие, состоящее из оплаты отпуска за выслугу лет и какой-то убудочной версии декретного отпуска. По крайней мере, так это называли другие ровесники Какаши. На самом деле это была постоянная плата за миссию, но никто не должен был об этом знать.

В результате он проводил с ребенком много времени, если не все. Не придумав ничего лучше, он начал водить его на тренировки, обучая основам ниндзюцу.

Он надеялся, что это не считается давлением на ребенка или возложением на него несправедливых ожиданий. Все книги сходились на том, что такое поведение крайне пагубно.

Наруто переместился в его объятия и обнял его, слегка пухлая щека уперлась в воротник. Какаши автоматически обнял его в ответ.

"Люблю тебя, папочка", - прохрипел маленький ребенок. "Прости".

"Все в порядке, Наруто", - повторил Какаши. "Я тоже тебя люблю".

Да, он привык говорить эти слова. А вот ласковые прикосновения, которые успокаивали и утешали ребенка, у него получались очень хорошо. В книгах говорилось о том, что ребенок должен чувствовать себя любимым, и Какаши ни за что не позволил бы своему - нет, сенсею - сыну быть несчастным.

К тому же, слова были достаточно простыми, хотя и немного неуместными. Шиноби не испытывают никаких эмоций, в том числе и любви, и Какаши, конечно же, не был исключением из правил.

Но Наруто не нужно было этого знать.

"Давай, - сказал Какаши, бодро похлопав мальчика по маленькой спине, - время урока. Вот что я тебе скажу: если ты отработаешь сегодня лишний час, я разрешу тебе понести наказание, и ты все равно сможешь пойти в парк".

"Трехлетний малыш радостно закричал, крутясь и извиваясь, пока не вернулся на свое место и не потянул к себе тетрадь. Какаши каждый день уделял время тому, чтобы научить его читать, писать и считать. Через пару лет он собирался перейти к истории и теории чакры - как Хатаке, он должен был получить всю возможную помощь, чтобы оправдать ожидания Академии.

Не то чтобы Какаши было безразлично, что думают о нем учителя и другие ученики Академии. Просто он был достаточно проницателен, чтобы понять, что Наруто будет думать именно так.

Подтащив свой стул поближе к стулу Наруто, он склонился над ребенком и, опершись рукой на деревянный стол, стал наставлять его в процессе обучения.

Какаши устроился на удобном диване в тускло освещённой гостиной. Перед ним лежала раскрытая книга по продвинутому дзюцу, и его взгляд лениво перелистывал ее.

Было уже почти десять часов, и Наруто крепко спал в своей спальне - ему пора было ложиться в пять тридцать. Какаши как раз подумывал о том, чтобы присоединиться к ребенку. Он устал.

Паккун лежал на животе и громко храпел. Сегодня он вызвал стаю, чтобы составить Наруто компанию на некоторое время, в основном для того, чтобы блондин привык к животным. Остальные семь собак решили уйти пару часов назад, но Паккун решил остаться.

Фыркнув, пес проснулся и рывком поднял голову: висячее ухо дернулось, нос затрепетал.

"А?" - хрюкнул он своим серьезным голосом, в котором было столько же сна и любопытства. Какаши с ласковым выражением лица опустил книгу и потянулся почесать морду за ухом.

"Спишь, Паккун?" - спросил он. Собака блаженно закрыла глаза, не отрываясь от ласки.

"Мм, вот здесь... чуть левее... Мне показалось, что я чувствую запах Джирайи-сама... Мне снилось, как мы...", - сонно пробормотал он, и, к огромному удовольствию Какаши, его задняя лапа начала брыкаться в ответ на руку, почесывающую его шею.

В течение двух минут Паккун издал несколько сонных невнятных бормотаний вроде: "Гоняемся за кошками... взрываемся... мы... бежим... брррр...".

Затем он сел, словно его ударило током, и пристально уставился на входную дверь.

"Паккун, что такое?" спросил Какаши, мгновенно насторожившись.

"Я думал, мне это только приснилось, но теперь я уверен, - прорычал морда, - я чувствую запах..."

В этот момент входная дверь с грохотом распахнулась, и слишком знакомый голос закричал во всю мощь своих извращенных легких: "Черт! Какаши! Эй, где ты, сопляк? Я знаю, что ты здесь живешь... А, вот ты где!"

Какаши ошарашенно смотрел на Легендарного Саннина, Великого Джирайю, который вошёл в его гостиную, как будто она принадлежала ему.

"Джирайя-сама, пожалуйста", - сказал Хатаке, в последний раз похлопав Паккуна и снова взяв в руки книгу. Пес с отвращением фыркнул и снова лег. "Уже поздно. Ты разбудишь ребенка. Что ты здесь делаешь?"

"Конечно, я пришел повидаться с тобой", - ответил Джирайя, усаживаясь в одно из удобных кресел неподалеку. "Хотел навестить тебя, узнать, как у тебя дела, может, познакомиться с новым пополнением в семье Хатаке, о котором я слышал..."

Какаши старательно не реагировал. Джирайя был единственным человеком в мире, кроме Хокаге, который знал об истинном происхождении Наруто. Сандайме сразу же написал ему, когда Наруто был "убит", и Джирайя примчался в Коноху, чтобы накричать и разъярить своего старого учителя и выдвинуть множество несправедливых обвинений.

Сарутоби терпеливо дождался, пока саннин докричится до него, и спокойно объяснил ему правду. С тех пор Джирайю постоянно держали в курсе состояния мальчика, хотя это был первый раз, когда он действительно навестил его.

"Вообще-то мне было трудно тебя найти", - заговорил Джирайя. "Я и не знал, что ты собираешься вернуться в дом отца".

"Я и не собирался", - признался Какаши. "Но мне нужно было пространство, а продавать это место и покупать другой дом было... неправильно. Проклятое отродье, перевернувшее всю мою жизнь".

"У них так бывает", - усмехнулся Джирайя. Затем он погрузился. "Он... он счастлив?"

<http://tl.rulate.ru/book/101261/3483657>